
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

САМАЯ КРАСИВАЯ: ПРИРОДА ЯПОНИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИГА СИГЭТАКА

Статья посвящена трактату Сига Сигэтака «Японский ландшафт» (1894 г.), который оказал большое влияние на процесс самоосознания японцев и на формирование японской эстетики природы. В этой работе Сига обосновывает тезис, что природа Японии является самой красивой в мире. Одновременно с этим он выдвигает положение, что экспансия Японии обусловлена желанием японцев воспеть природу зарубежья лучше, чем это сумели сделать насельники.

Ключевые слова: Япония, Сига Сигэтака, «Нихон фукэй рон», природа, ландшафт, эстетика, культурная география, самосознание нации, культурный национализм.

Книга Сига Сигэтака (1863–1927) «Японский ландшафт» («Нихон фукэй рон») вышла в свет 27 октября 1894 г. и сразу стала бестселлером. Уже 20 декабря она была переиздана, а 2 марта следующего года вышло третье издание. Всего же до апреля 1902 г. книга выдержала 14 переизданий. Рецензенты не отставали от читателей: к 30 ноября 1894 г. в самых различных газетах и журналах появилось 50 рецензий на эту книгу. Книга «Японский ландшафт» спровоцировала живую дискуссию, послужила отправной точкой для многих авторов, которые приступили к культурологической интерпретации природы Японии.

«Скучная» география вряд ли в состоянии вызвать тот интерес, который вызвала эта книга. «Настоящие» географы считали сочинение Сига дилетантским. Причина популярности сочинения Сига Сигэтака состояла не в научности, а в публицистическом задоре – он был первым, кто во всеуслышание заявил: природа Японии не

просто хороша, она прекраснее, чем природа любой другой страны мира. И это «открытие» вызвало шквал восторгов, подавляющее большинство рецензий было выдержано в хвалебных тонах.

Сига Сигэтака был продуктом двух традиций: с одной стороны, он был потомком самураев, его воспитывал образованный на классический лад ученый, и, следовательно, Сига хорошо знал японскую литературно-художественную традицию (прежде всего эпохи Токугава, 1603–1867 гг.), с другой – он закончил сельскохозяйственный институт в Саппоро, где преподавание осуществлялось исключительно на английском языке в соответствии с западными естественно-научными установками. В связи с этим и собственное мировосприятие Сига, его сочинения и идеи несут на себе след как японского (литературно-художественного), так и западного (научно-позитивистского) наследия. Это ощущалось и современниками – во многих рецензиях на «Японский ландшафт» их авторы хвалили Сига именно за то, что ему удалось приблизить поэзию к науке, а науку – к поэзии. Собственно говоря, и сам он отмечал, что между поэзией и наукой не существует непримиримых противоречий, следует только привести эти два начала в гармоничное и сбалансированное состояние (Сига Сигэтака 1995: 331). Сочетание (временами – прихотливое или даже причудливое) науки и поэзии составляет одну из главных особенностей этого сочинения. Кто-то называл Сига японским Гумбольдтом, кто-то – японским Рескином... Все вместе это давало основания для того, чтобы назвать Сига настоящим, «эталонным» японцем.

За три месяца до выхода книги Япония напала на Китай, патристические настроения находились на подъеме, прославление Японии в любой области находило горячий отклик. Один из рецензентов отмечал, что появление книги, воспевающей красоту японской природы, в те дни, когда раздается звон скрещенных мечей, не может не вызывать восхищения. В своей книге Сига почти ничего не говорил о политике, но рецензенты зачастую оценивали его текст исходя именно из политической ситуации. Рецензент из газеты «Синано майнити симбун» писал, что Сига Сигэтака воспекает сущность Японии, которая состоит в «непрерываемой в веках императорской династии и невиданной во всем мире красоте [японской] природы» (цит. по: Оомуро Микио 2003: 31, 36). И это при том что про династию Сига не говорил ничего.

Популярность Сига Сигэтакэ была настолько велика, что журнал для детей и подростков «Сёнэн сэкай» в октябре 1895 г. признал его, наряду с Миякэ Сэцурэй и Токутоми Сохо, лучшим литератором страны. Политическая элита тоже решила поощрить его. В 1895 г. он был назначен начальником департамента гор и лесов в Министерстве сельского хозяйства, потом получил должность помощника министра по особым поручениям в министерстве иностранных дел, много путешествовал за границей (в том числе совершил три кругосветных путешествия). В 1902–1903 гг. он дважды избирался от партии Сэйюкай депутатом нижней палаты парламента в своей родной префектуре Айти (на выборах 1904 г. его кандидатура не прошла, и Сига удалился от активной политической деятельности).

Вторая половина XIX в. выдалась для японцев психологически очень трудной. После двух с половиной веков добровольной изоляции усилиями мировых держав она была вынуждена открыться миру, и это «открытие» породило в японцах глубокий комплекс неполноценности, поскольку стало ясно, что Япония не обладает конкурентоспособностью в военной, экономической и иных сферах. Этот комплекс затрагивал и культуру (многим стало казаться, что японская культура недостойна внимания), и даже тело японца, которое стали считать некрасивым (Мещеряков 2006; 2009; 2011).

Однако японцев такая ситуация не устраивала, и они приложили колоссальные и весьма успешные усилия в деле реформирования страны в самых разных областях (политической, военной, экономической, культурной). Одним из средств для преодоления комплекса неполноценности стало воспевание японской природы. После открытия страны на какое-то время все рукотворные продукты деятельности японца стали подвергаться невозддержанной критике, однако японская природа избежала этой незавидной участи. Европейцы сыграли здесь большую роль: находясь в плену своих европоцентристских убеждений, многие (почти все) осуждали «нецивилизованные», отдающие «темным» Средневековьем японские порядки, но мало тронутая человеком «дикая» природа этой страны производила на них сильное впечатление. В самой же Европе не тронутых человеком ландшафтов становилось все меньше.

Похвала европейцев много значила для японцев того времени. Японская земля для европейцев с практической точки зрения являлась малозначимой. Она была не только далека, она была еще и бедна ресурсами, которые интересовали Европу и Америку. Япония стала для европейцев страной природы, страной для разглядывания. В отличие от практически всей Азии Япония избежала участи стать колонией белого человека.

В Японии не было ничего «ценного», того, чего нет в других странах, за исключением пейзажей. Природа Японии производила на европейцев глубокое впечатление, и японцы, почувствовав облегчение, приступили к осуществлению национального проекта под названием «Природа Японии». Он предназначался прежде всего для самих японцев: они остро нуждались в предмете гордости, который мог бы избавить их от комплекса неполноценности и поднять настроение. Кроме того, природа много значила в деле достижения национального консенсуса. И если идеи и политические лидеры служили предметом для ожесточенных споров, то природу любили все японцы. В качестве эпиграфа к своей книге Сига Сигэтака выбрал протяженный пассаж из произведения знаменитого конфуцианского мыслителя Кайбара Экиэн (1630–1714), в котором тот говорит о несравненной и нескончаемой радости любования природой, радости, которая доступна всякому человеку – высокому и низкому, бедному и богатому. Сам же Сигэтака писал, что «красота японских гор и вод, многообразие ее растительного мира являлись и являются основой для воспитания в японцах чувства красоты» (Сига Сигэтака 1995: 321). И это чувство красоты, полагал он, – гарантия будущих успехов японской нации.

Обращение к «прекрасной» земле Японии имеет глубокую предысторию. Еще в период Токугава получает достаточно широкое хождение термин «божественная страна» (синсю), под которой понималась Япония. Имелось в виду, что земля Японии, созданная синтоистскими божествами, находится под их покровительством. Эта идея опиралась на мифы, зафиксированные в «Кодзики» и «Нихон сёки» в начале VIII в. Важно отметить, что в этих мифах речь идет не о создании человека, а о создании (порождении) островов Японского архипелага, которые, таким образом, осенены особой

благодатью. Этот концепт можно считать «японским изданием» китайской теории «Поднебесной». Она предполагает, что Центр (то есть Китай) обладает несравненными климатическо-природными характеристиками, которые благоприятно воздействуют на проживающих там людей – их моральный уровень, обычаи, обыкновения, здоровье и т. д. В других же регионах (странах) климат характеризуется отрицательным образом – так же отрицательно он воздействует и на людские нравы. В Японии эпохи Токугава также укоренилась эта концепция, но Центром там считалась Япония, ее земля. Таким образом, человек и его обыкновения считались производными от качеств той земли, в которой ему довелось родиться. Следовательно, мы можем определить эту концепцию как разновидность географического детерминизма. Нетрудно заметить, что при таком подходе Японии (ее природным условиям) по определению достаются превосходные и неизменные характеристики. Человеку же, обитающему в Центре, остается только одно – восхищаться этой землей. В сочинении Сига Сигэтака природа предстает в очищенном от присутствия человека виде, в этом ландшафте почти напрочь отсутствуют люди, в чем видно влияние традиционного восприятия земли как элемента первичного по отношению к человеку.

Но не только традиция оказала влияние на мировоззренческие убеждения Сига. Здесь сказались и конкретные события его жизни. В феврале 1886 г. Сига отправился в свой первый длительный морской вояж. Погрузившись на учебный корабль «Цукуба», принадлежавший военно-морскому училищу, он за собственный счет совершил путешествие по южным морям, побывав на Каролинских и Мариинских островах, Фиджи, Самоа, в Австралии и Новой Зеландии. Цели плавания имели научный характер, но в результате эта поездка оказала самое сильное влияние на эмоции молодого ученого: его повергла в ужас увиденная им воочию неприглядная практика колониализма. В то время японцы опасались, что их может постичь такая же участь – порабощение и уничтожение собственной культуры. Жизнь в Японии давала немало оснований для таких страхов: многие «передовые» японцы того времени желали избавиться от своей «японскости» (вплоть до смены японского языка на английский) и стать «настоящими» европейцами.

Весной 1888 г. вместе с несколькими выпускниками сельскохозяйственного института и Токийского университета Сига основы-

вает общество «Сэйкёся» («Общество образования»). Почти одновременно выходит в свет первый номер журнала «Нихондзин» («Японцы»). Сига Сигэтака фактически являлся его главным редактором. Общество и журнал объединяли вокруг себя людей, которые выступали против безоглядного «озападнивания» Японии, уподобляя ее мимикрии у низших животных, которые – в силу своей беспомощности – вынуждены менять окрас кожи, чтобы не быть съеденными более сильными. Издеваясь над оголтелыми западниками, Сига с возмущением писал в июньском номере журнала «Японцы», что они хотят отбелить желтую кожу, перекрасить волосы и глаза, превратить Камакуру в Виндзор, а синтоистское святилище Цуругаока Хатиман в Кентерберийский собор...

Эмоции Сига Сигэтака можно понять. Так, один из видных японских христиан Утимура Кандзо (1861–1930) в своем трактате «Тидзинрон» («Земля и люди»), вышедшем почти одновременно с «Ландшафтами Японии», выстраивал такую логическую цепочку. Япония – это азиатская Греция. Это сравнение было широко распространено в Японии того времени, ибо Греция – это колыбель европейской цивилизации и одновременно – в значительной степени островная страна. Греция – это «малая Европа»; следовательно, Японию можно считать «малой Европой». А раз так, то в географии Японии должно быть все то, что имеется в Европе. Поэтому Внутреннее Японское море – это Средиземное море; Иберийский полуостров соответствует районам Маньин и Санъё; Италия с ее оливками – это полуостров Кии с его мандариновыми деревьями; Адриатическое море – это залив (традиционно назывался морем) Исэ; Балканский полуостров – полуостров Идзу; архипелаг Оки – Британский архипелаг; полуостров Ното – полуостров Ютландия; песчаные отмели Китанокоси – северное побережье Германии; равнина Оу – это «плоская» Россия; остров Садо – Скандинавский полуостров, Исландия – остров Такэсима. Утимура Кандзо находил в Японии и такие места, которые соответствовали Франции, Апенниннам, Венгрии, рекам Дунаю и По... При этом Утимура честно признавал, что Япония не походит на Америку, Африку, Австралию, Индию и Китай. «Япония расположена в Азии, но ее структура является европейской» (цит. по: Оомуро Микио 2003: 156–157). Лю-

ди, подобные Утимура, желали, чтобы Япония сменила свою идентичность с азиатской на европейскую.

Утимура Кандзо был христианином и патриотом. Он тоже стремился к тому, чтобы избавить японцев от комплексов. Он как бы говорил: нечего унывать, ведь в Японии есть все, что есть в Европе. Однако эта логика не пользовалась у массового читателя такой популярностью, как логика Сига Сигэтака: нечего унывать, ведь Япония – страна уникальная, ей есть чем гордиться. Утимура Кандзо написал в своей рецензии на «Японский ландшафт», что мнение Сига о том, что природа Японии – лучшая в мире, является «патриотическим предрассудком». Но японцы поверили не его предрассудкам, а предрассудкам Сига.

Вместо выстраивания цепочки тождеств между Японией и европейским миром Сига Сигэтака предлагает обнаружить в японской географии и природе уникальные особенности. Он приводит цитаты из сочинений конфуцианского ученого Сайто Тикудо (1815–1852) и художника Инэ Нобуёси (жил на рубеже XVII–XVIII вв.), из которых явствует, что в Китае, Корее и западных странах отсутствуют несравненная сакура и другая вестница весны – птичка с неподражаемым голосом угуису (камышовка; обычно переводится на европейские языки как «соловей»), а ведь без наслаждения цветами сакуры и этим пением человек не может стать полноценным (Сига Сигэтака 1995: 18–22). Полноценность же понимается как развитое чувство красоты.

Если же говорить об общих чертах природы, которые придают Японии уникальность, то это: 1) многообразие климата и множество морских течений; 2) высокая влажность; 3) обилие вулканов; 4) бурные и порожистые реки.

Совокупность этих факторов определяет очарование японской природы, которая обладает изяществом, красотой и величием.

Особенно интересно появление последней категории. Дело в том, что общий модус японской культуры определяется не столько объективацией «величественных», крупных объектов, сколько вниманием к малому. Создаваемые японскими мастерами модели природы (сады, бонсай, живопись) характеризовались миниатюрными формами, взгляд японца характеризуется «близорукостью»,

а не «дальнозоркостью» (Мещеряков 2010а: 12–21; O-Young Lee 1984). Крупные объекты (включая людей и литературных героев) вызывали у японцев не столько восхищение, сколько страх (Торпыгина 2004: 146–155). Они ассоциировались с отсутствием культуры и дикостью.

Однако чаемое превращение Японии в мощную мировую державу и колониальную империю диктовало другие подходы к практическому и ментальному освоению пространства. После осуществления проекта по описанию всех провинций страны в VIII в. («Фудоки») других таких масштабных проектов Япония не знала, а замысел сёгуната Токугава по созданию новых фудоки остался неосуществленным. Сёгунат требовал от князей преподнесения описаний своих владений, но это была мера прежде всего ритуальная, с помощью которой князья доказывали свою лояльность. Традиционная географическая (она же политическая) мысль временами говорила о «восточной» и «западной» Японии, но основной географической единицей описания была все-таки единица административная (провинция или княжество). Что до Сига Сигэтака, то он последовательно оперирует крупными территориальными единицами – он описывает всю Японию, начиная со слабо освоенных Курильских островов на севере и до окружающих Кюсю мелких островов на юге. В отличие от своих предшественников Сига занимает более «высокую» позицию для обзора территории страны (или же ее карты) и недвусмысленно отдает предпочтение членению страны на «северную» и «южную» Японию – прежде всего потому, что «меридиональная» Япония намного протяженнее Японии «параллельной». Взгляд Сига приковывают крупные географические объекты: равнины, покрытые нескончаемыми сосновыми рощами, горы (прежде всего самая высокая японская гора – Фудзи), с которых открывается бескрайняя земля, пики, высящиеся над облаками (Сига Сигэтака 1995: 22–23).

В своей характеристике японской природы Сига Сигэтака пользуется как привычными, так и новыми категориями. И если вулканы (горы вообще), а также реки (вода пресная) являются в Японии вслед за китайской культурой привычным объектом философско-религиозно-эстетического освоения, то о море и влажности этого сказать нельзя. И в этом отношении Сига Сигэтака выступает нова-

тором. Рассмотрим эти природные характеристики в порядке, предложенном автором.

Море и многообразие природы

В традиционной культуре Японии море представлялось стихией, обладавшей в значительной степени отрицательными коннотациями. Море – это тайфуны и бури, море – это путь за границу, от которой японцы ждали не столько приобретений, сколько неприятностей. Отражением такой ситуации послужило добровольное закрытие страны для внешних контактов в начале XVII в., запрет на строительство сколько-нибудь крупных кораблей.

Официальная идеология позиционировала Японию прежде всего как страну земледельческую. Крестьянин в этой системе ценностей обладал достаточно высоким статусом. Высшая власть всегда занималась регулированием земельных отношений, жизни земледельца. Однако море не попадало в ее поле зрения. Несмотря на то, что морская рыба играла значительную роль в рационе японцев, рыбаки воспринимались как грубые и неотесанные люди, а рыба речная была намного более престижным продуктом питания, чем рыба морская. Японские литераторы не воспевали море, образованные люди не знали, что такое морское путешествие. В произведениях художников изображения моря тоже достаточно редки. Обычно оно предстает как пейзаж побережья, где море является не самостоятельным объектом для изображения, а продолжением суши.

В период Мэйдзи ситуация меняется: Япония вовлекается в международное разделение труда, обзаводится флотом – военным и торговым. В мае 1883 г. была открыта первая выставка морских промыслов, обращение к участникам которой послал сам император Мэйдзи. Общение императора с рыбаками с точки зрения традиционных ценностей было делом абсолютно немыслимым. Меняется и оценка морской среды в общественном мнении. Отражением этого факта и явились рассуждения Сига Сигэтака о море. Они имеют «объективистский», научный характер. Он перечисляет географические особенности побережья Японского моря и Тихого океана, приводит их характеристики с точки зрения рельефа, господствующих ветров, имеющих морских течений, удобства мореплавания и т. д.

Однако при сравнении «морского раздела» книги с другими ее частями нетрудно заметить, что в других частях автор обильно унащает свое повествование высокохудожественными цитатами – как поэтическими, так и прозаическими. В «морском» же разделе они полностью отсутствуют. Вероятно, по той причине, что традиционной художественной (письменной) культурой не был выработан восторженный язык для описания морской среды. Сам Сига тоже не находит высоких и восторженных слов, когда речь заходит о море. Неудивительно, что «морской» раздел книги – самый короткий и насчитывает всего несколько страниц, а два приведенных в книге стихотворения на английском языке о море принадлежат перу никому не известных европейских стихотворцев (Сига Сигэтака 1995: 307–308). Если Сига и интересуется море в эстетическом отношении, то только в том смысле, что его волны влияют на сушу, придавая береговой линии причудливые и красивые очертания (Там же: 312). Несмотря на культурное «давление», которое оказывала на Сига модернизация и ее идеи, он не упоминает о рыбных богатствах Японии. Если он вдруг и «замечает» рыбу, то только в реке, а не в море.

Больше внимания уделяется в первом разделе многообразию климата. Автор констатирует, что большая протяженность архипелага в меридиональном направлении обуславливает многообразие климатических зон на территории страны, а это, в свою очередь, ведет к многообразию растительного мира (в частности, цветов), многообразие, которое представлено в книге в научно-табличной форме. Это многообразие, по убеждению автора, и составляет красоту Японии. Следует заметить, что в своих рассуждениях о многообразии климата Сига Сигэтака не был первооткрывателем. Так, в сочинении конфуцианского мыслителя Нисикава Дзёкэн (1648–1724), где обосновывается уникальность японской земли, также говорится об этом. Протестуя против определения Японии как «маленькой страны», он, в частности, пишет, что Япония не может называться маленькой страной потому, что в ней наблюдается невиданное в других странах многообразие «жары и холода».

В рассуждениях, посвященных растениям, особое внимание Сига уделяет сосне. Автор утверждает, что японцы всегда выражали свои чувства через образ недолговечного цветения нежной, осы-

пающей под ветром сакуры, но не уделяли должного внимания сосне, несмотря на то, что сосна – вечнозеленое, долгоживущее и упорное дерево, которое сопротивляется холодам и ветрам, а потому японцы должны сделать сосну образцом для подражания, превратить Японию в «страну сосны», в страну несгибаемости, и избавиться от представления о том, что Япония – это «страна сакуры».

Автор грешит против истины, поскольку на самом деле сосна с самой древности весьма часто становилась объектом для художественного изображения, она служила символом долголетия, и Сига не мог не знать об этом. Его соображения относительно сосны следует воспринимать в общем контексте направленности его мысли и чувств: он обладал оптимистическим и бодрым зарядом, который старался привить и своим читателям. В связи с этим он хотел подчеркнуть, что жизнь может быть не только недолговечной и хрупкой, но также длинной и прочной. По количеству видов сосны, говорит автор, Япония находится на первом месте в мире, что является условием для воспитания жизнеутверждающего и сильного характера – ведь сосна укореняется даже на голых скалах, где другие растения выжить не в состоянии (Сига Сигэтака 1995: 33–35).

Несмотря на заявленное многообразие климата, фауна Японии, однако, представлена в книге чрезвычайно скупо. Лишь мимоходом автор упоминает, что в Японии мы наблюдаем обилие и большое разнообразие птиц, насекомых и бабочек (включая эндемиков), что полностью соответствует традиционным предпочтениям японской культуры, литературы и искусства с их акцентом на малом. В то же самое время автор приводит и научное обоснование разнообразия японской флоры и фауны: оно соответствует положению Дарвина и Альфреда Рассела Уоллеса (1823–1913) о том, что «в островных странах формируется [большое] биологическое разнообразие новых видов» (Там же: 36).

О милых же сердцу европейца млекопитающих и рыбах не говорится ничего. Добавим также, что данная ссылка на Дарвина и Уоллеса является чуть ли не единственным во всей книге прямым обращением к западным научным авторитетам (не забудем, что своими научными навыками Сига почти полностью обязан запад-

ной мысли), хотя, повторим, ссылок на суждения японских литераторов имеется в монографии с избытком.

Понятие «островная страна» (симагуни) пользовалось широким хождением в Японии того времени. Японцы всегда осознавали, что живут на островах. В мифах синтоистские боги создают «восемь больших островов». С течением времени, однако, нарастало понимание того, что эти острова – вовсе не большие, а маленькие («большими» странами считались прежде всего Китай и Индия). Стандартным стало определение Японии как зернышек проса, разбросанных в море. Такое понимание коррелировало с картиной буддийского мироустройства, где Японии отводилось место на самой периферии буддийской ойкумены (Мещеряков 2010в: 102–104). Ситуация меняется в период Токугава, когда в стране наступает длительный мир, сношения с зарубежьем почти прекращаются, а буддизм перестает быть основным средством осмысления мира. На его место приходит конфуцианство (неоконфуцианство). И тогда общественная мысль приобретает оптимистический заряд, она начинает позиционировать Японию как страну благоденствия. В токугавской Японии считалось, что японцы лучше других выполняют свои семейные обязанности, а это является главным условием стабильности в государстве и обществе.

Положение о зависимости человека от климата было широко распространено в Японии того времени. Цитируемый в книге Сига врач и литератор Татибана Нанкэй (1753–1805), например, отмечал: Япония – это остров-гора (симаяма). В этой стране – самые высокие горы в мире, которым нет равных на Западе. Эта страна окружена морями, которые глубже тех, которые имеются на Западе. Поскольку же свойства всего живого зависят от условий обитания (Сига Сигэтака 1995: 40), то отсюда легко сделать вывод, что и свойства японцев должны отличаться от свойств других народов. Так, часть японских врачей отвергала западную медицину на основании, что она не учитывает того обстоятельства, что европейцы и японцы обитают в разных условиях, а потому европейские методы терапии неприменимы по отношению к японцам.

В период Токугава доминирует конфуцианский взгляд на мир и природу. Этот взгляд предполагал, что Япония находится в центре мира, и это срединное положение предполагает отсутствие клима-

тических крайностей любого рода. Поэтому мыслители конфуцианского толка вступали в открытую полемику с прежним (прежде всего буддийским) пониманием Японии как «маленькой страны». Так, ученый Нисикава Дзёкэн в своем трактате «Нихон суйдо рон» возмущается тем, что Японию уподобляют зернышкам проса. На это он приводит следующие возражения. Со ссылкой на мнение европейцев Нисикава Дзёкэн утверждает, что хотя Япония и меньше Индии или Китая, но среди расположенных в океане островных территорий острова Японии – самые большие, а потому нет никаких оснований уподоблять их зернышкам. Протяженность территории Японии в направлении с севера на юг велика, разнообразие климата («жары и холода») не имеет себе равных в мире, а потому она должна считаться страной большой.¹

Своим изобретением и широким распространением в эпоху Мэйдзи термин «островная страна» обязан историку Кумэ Кунитакэ (1839–1931). Он совершил длительное путешествие в США и Европу в составе миссии Ивакуры (1871–1872 гг.). Его поразило тот факт, что Англия точно так же, как и Япония, является островной страной, но при этом сумела стать самой могущественной мировой державой и с помощью своего огромного флота осуществляет связи со всеми странами мира. А потому, заключал Кумэ Кунитакэ, для Японии тоже не существует ничего невозможного в том, чтобы превратиться в такую же державу. Именно такая «оптимистическая» трактовка термина «островная страна» господствовала в Японии конца XIX – начала XX в. Таким образом, Япония и Англия оказывались в одном понятийном поле, что способствовало и их политическому сближению (в 1902 г. между Японией и Англией был подписан союзный договор).

Сига Сигэтака не только унаследовал «оптимистическое» понимание «островной страны», но и сумел добавить в него свои смыслы: в Японии невероятное многообразие флоры и фауны, что понимается как несомненное достоинство. Не останавливаясь на достигнутом, автор преобразует «островную страну» в «островную

¹ Благодарим Е. К. Симонову-Гудзенко и А. А. Лисицыну за указание на трактат Нисикава Дзёкэн как важный текст для нашего исследования. Мы пользовались оцифрованной версией издания, хранящегося в библиотеке университета Васэда (без пагинации).

империю» (сима тэйкоку, см.: Сига Сигэтака 1995: 317), что отвечало его геополитическим установкам. Однако в подсознании Сига (точно так же, как и в подсознании очень многих японцев) все-таки сохранялся «комплекс островитянина» по отношению к огромному матерiku. Он прорывается в именовании Японии «материковым островом» (тайрику сима), который когда-то составлял часть материка, но потом отделился от него (Там же: 325). Таким образом, географические познания Сига Сигэтака позволяли ему именовать Японию материком, хотя бы и бывшим. В глубине души японцы того времени горели поэтическим желанием избавиться от своей «островной» сущности, «примазаться» к матерiku и расшириться до состояния «материковости».

Влажность

Одним из основных концептов дальневосточной натурфилософии был концепт «ци» (яп. *ки*) – энергия, пульсация которой обеспечивает все природные процессы. Сам термин «погода» (тэнки) буквально означает «небесное ки».

Известный конфуцианский ученый Фудзита Токо (1806–1855) в начале своего знаменитого стихотворения писал, что «великая ки-энергия Неба и Земли пряма и беспримесна, она собирается в божественной стране, прекрасным образом превращается в гору Фудзи, величественно пребывает тысячу осеней, изливается величественными потоками воды, охватывает восемь островов [то есть Японию]» (Там же). Далее Фудзита Токо переходит к социально-государственному аспекту «правильного» *ки*, которое проявляет себя в сыновней (дочерней) почтительности и верноподданничестве по отношению к императору, своим сиянием равным солнцу. Таким образом, наличие «правильного» *ки* одинаково благотворно воздействует как на природу, так и на социально-государственную сферу.

Один из рецензентов «Японского ландшафта» вторил конфуцианскому ученому: «В том месте, где собирается превосходная ки-энергия, тамошний народ с давних времен красив и сердечен, люди там здоровы и деятельны», они служат династии, которая насчитывает более двух с половиной тысяч лет, там господствуют веселость и мир, а Сига удалось показать «потрясающую красоту

ландшафтов, дарованных природой нашей стране», где автор вместе со своими читателями – подданными островной империи «наслаждается вечным и непревзойденным раем» (цит. по: Оомуро Микио 2003: 35).

Первоначальное значение *ки* – это пар над варящимся жертвенным рисом. Таким образом, в этом понятии присутствует признак «влажность», который обладает исключительно положительными и даже сакральными характеристиками. Одной из главных особенностей японского климата Сига Сигэтака считает его влажность. «Влажность» (суйдзэки) – понятие научное, в эпоху, когда Япония увлеченно овладевала достижениями западной науки, японцы переводили традиционные мыслительные категории на современный научный язык. При этом «осовременивании» значительная часть прежних смыслов сохраняла свой первоначальный заряд. Эта же участь постигла и *ки*-энергию, которая превратилась во «влажность». В эпоху, одним из символов которой стал паровозный дым, Сига и его читатели предпочитали видеть Японию, укутанную в туман. Это был тот самый туман, который наблюдали и воспевали предки. Сига Сигэтака хотел видеть в природе неизменность, и, таким образом, природа выступает в качестве элемента, связующего всех японцев независимо от времени, в которое им довелось жить. В первом номере журнала «Нихондзин» Сига обращается к японцам как к «братьям и сестрам» – обращение, немислимое для более раннего времени, ибо вся идеология периода Токугава зиждилась на сословности и фрагментации общества. Сейчас же задача состояла в «склеивании», формировании единой нации, местом обитания которой является наделенная влажностью прекрасная земля Японии.

В традиционной Японии ее обитатели много страдали от избытка атмосферных осадков: ливневые дожди и тайфуны постоянно угрожали их жилищам, посевам, ирригационным сооружениям, самой жизни. Высокая влажность (наряду с сильным ветром, холодом и жарой) всегда считалась в традиционной медицине одной из главных причин заболеваний. Что касается художников и литераторов периода Эдо, то изображение (воспевание) влажного воздуха в виде дымок, туманов, моросей было одним из любимых объектов художественного отображения. Таким образом, отношение японцев

к атмосферной влаге было двойственным. Однако Сига Сигэтака не интересуется отрицательные для хозяйственной деятельности и здоровья человека последствия влажного климата, он приписывает влажности исключительно положительные коннотации – настолько, что один из рецензентов называет его сочинение «туманоманией» (Оомуро Микио 2003: 48). Такому пониманию влажности способствует и употребляемый Сига термин «суйдзёки» («водяное ки»). Его влажное прикосновение делает природную жизнь разнообразнее, придает ей дополнительное качественное измерение. Это касается даже звука. Сига Сигэтака утверждает, что благодаря высокой влажности воздуха ему, совершающему мысленное путешествие по стране, лучше слышны голоса на дороге, звуки ткацких станков, голос кукушки, крики петухов, песни рыбаков и даже голоса детей, читающих вслух книги (Сига Сигэтака 1995: 59). Влияние влажности на звукопроводность многообразно, она может не только улучшать, но и ухудшать слышимость, но для автора книги влажность может пониматься только в положительном смысле.

Автор отмечает, что Япония окружена со всех сторон морями, ветры приносят с материка и из Индийского океана дождевые облака, которые, «цепляясь» за горные хребты в Японии, проливают на нее благословенную влагу. Рассветный и закатный солнечный свет играет в этих облаках и расцвечивает их. Такие облака Сига называет «пятицветными» (Там же: 51). Влага, которая наполняет облака, проливается на растения и напитывает их. Поскольку цифра «пять» обладает исключительно положительными коннотациями (символизирует пять первоэлементов), образованный читатель приравнивает эту «пятицветность» к «чудесным» облакам, которые в китайской (а потом и в японской) натурфилософии являлись благоприятным знаменем. В японской древности появление «чудесных облаков» могло приводить даже к изменению девиза правления (Кэйун – «чудесные облака», Дзинго Кэйун – «божественная защита и чудесные облака»). В подсознании автора безусловно присутствуют положительные характеристики многоцветных облаков, но для его сознания важнее другое: он утверждает, что поскольку на материке в силу объективных природных условий расцвеченных таким образом облаков не бывает, то тамошние поэты и художники не умеют, в отличие от японских, точно и тонко отра-

жать в своем творчестве те природные (атмосферные) изменения, которые происходят под влиянием влажности, превращающей японские небо и землю в прекрасные (Сига Сигэтака 1995: 51–55).

Сига характеризует Японию как страну, над которой «собираются» дождевые облака, приносимые извне. Эти облака движутся от периферии к центру. Центростремительное движение – признак «правильного» устройства страны, где подданные устремляются к Центру (правителю) с изъявлением покорности, точно так же «поступают» и облака. Точно так же поступают и птицы, которые прилетают в Японию из мест с тропическим и холодным климатом (Там же: 36). Причина этого понятна: в других климатических зонах либо слишком холодно, либо чересчур жарко, и только в Японии существуют идеальные условия для существования. Сига Сигэтака призывает соотечественников постоянно помнить об этом. Тезис о «срединности» Японии как доказательстве ее избранности был общим местом рассуждений мыслителей эпохи Токугава. Он предполагал отсутствие всякой чрезмерности – будь то эмоции, одеяния, нравы, природные явления. Япония стала характеризоваться как страна с неблагоприятными природными условиями и как территория, подверженная природным бедствиям, только во второй четверти XX в.

В конце раздела, посвященного влажности, автор приводит список из 14 явлений, которые европейцы и американцы не могут наблюдать в своих странах. Например: «Высокий пик Фудзи вырисовывается над облаками, со стороны Тихого океана на горизонте поднимается солнце, оно неспешно втирает в нижний край белых облаков золото, киноварь, цвета алый, лиловый» (Там же: 83). Поскольку по богатству красок японский осенний лес превосходит немецкий, то совершенно не удивительно, что на считающейся лучшей в мире немецкой красильной фабрике употребляют в работу 1400 красителей, а на фабрике Кавасима в Киото – две тысячи (Там же: 65). Таким образом, японцы, находясь в особых природных условиях, умеют то, чего не умеют другие.

Обращаясь к наиболее важным для него «эстетическим последствиям» высокой влажности климата (в связи с этим он щедро цитирует стихи на китайском и японском языках, воспевающие туманы и дымки), Сига Сигэтака одновременно отмечает, что влаж-

ность (вкуче с относительно теплым климатом) имеет благоприятные последствия для сельского хозяйства и растительного мира Японии: производства риса, чая, произрастания деревьев (этому способствует также традиционный запрет на вырубку деревьев в районах расположения синтоистских святилищ и буддийских храмов) и мхов (Сига Сигэтака 1995: 58). Если же все-таки на территории Японии и встречаются немногочисленные места с низкой влажностью, то здесь все равно обнаруживаются несомненные достоинства: в таких местах занимаются выпариванием соли, а дымки от ее выпаривания сообщают пейзажу дополнительную поэтичность (Там же: 68).

Подводя итог сказанному о влажности, Сига Сигэтака утверждает, что без этой влажности Япония не была бы красивой страной, а поскольку она таковой является, то это – огромное счастье для литераторов, художников, скульпторов и других глубоких натур.

Горы

Наиболее протяженный раздел книги Сига Сигэтака посвящен горам, которые он считает самым важным элементом японского ландшафта. В этом отношении он шел вслед за традицией. Приверженцы самых разных направлений буддизма и синто почитали горы в качестве священного объекта – именно там возводились святилища и храмы, именно там подвижники набирались сил, здоровья и сакральной энергетики. Не отставали от них и люди (прежде всего самураи), культурным багажом для которых служило конфуцианство. Многие из них относились к религии как к предрассудку, но тем не менее горы все равно занимали важнейшее место в их картине мира. Эти люди не восходили на горы, они предпочитали воспевать их в своих стихах и изящной эссеистической прозе, изображать на живописных свитках, находясь у их подножия. Иными словами, горы служили для них источником прежде всего литературно-художественного вдохновения.

Сообщив читателю, что одну пятую часть территории Японии занимают вулканы (действующие или потухшие), Сига объявляет их «главным элементом красоты японских пейзажей». Японские поэты неустанно воспевали красоту вулканов, но они называли их не этим научным термином (кадзан), они именовали их просто «го-

рами» (Там же: 85–87). Далее приводятся многочисленные примеры такого поэтического творчества. Что до других стран, то ни в Корее, ни в Китае, ни в Европе нет такого количества вулканов, из чего Сига Сигэтака заключает, что именно на Японию употребил свои главные силы Творец (Сига Сигэтака 1995: 175).

Сига Сигэтака не был христианином, он был вообще далек от любой религии, поэтому его пассаж о Творце не следует понимать буквально. В данном случае Творец – это метафора, обозначение той неведомой силы, которая, тем не менее, выбрала объектом своей креативности территорию именно Японии, а не какой-то другой страны.

По мнению автора, японские горы в выгодную сторону отличаются от гор в других странах не только количеством, но и качеством: заграничные горы выглядят голыми, японские же – в силу большой влажности – покрыты многообразной растительностью.

Классификацию гор Сига производит по внешнему показателю: 1) обладающие «красотой и геометрической формой», которые находятся в состоянии гармонии. Эти красота и геометричность реализуются в вулканах, обладающих формой усеченного конуса; 2) горы, форма которых не обладает «строгостью» (то есть на этих горах имеются неровности, пещеры, локальные пики, озера и т. п.). При этом Сига Сигэтака отдает недвусмысленное предпочтение горам с «правильной» формой (Там же: 92–94).

Наследуя интерес традиционной культуры к горам, Сига Сигэтака вводит критерий, который никогда не использовался в этой культуре, а был принадлежностью культуры западной, которая так ценит симметрию и обнаруживает в ней красоту. Возможно, это лучше всего видно на примере Фудзи: европейцы восхищались этой горой прежде всего потому, что она имеет форму правильного (почти правильного) усеченного конуса.²

Горы служат для Сига Сигэтака несравненным источником художественного вдохновения. Только в горах можно обнаружить такие чистые и свежие краски (в том числе и самый «престижный» фиолетовый цвет – цвет одежд даосских небожителей и высших придворных), только в горах облака напоминают воздушную ткань,

² Восприятию Фудзи в Японии и на Западе посвящена наша книга (Мещеряков 2010б).

которую ткнут небожительницы, только в горах восходы сродни чистому пламени, только в горах вода в озерах так чиста и покойна. Чудесен вид пиков, высящихся над облаками. Так же неподражаемы горная зелень и цветы (Сига Сигэтака 1995: 193–195).

Сига Сигэтака воспевал вулканы, для него их главной особенностью являлась способность пробуждать в человеке поэтические чувства. Разумеется, он знал и про тот ущерб, который могут наносить человеку извержения, но этот ущерб для него – величина исчезающе малая. Предугадывая читательское недоумение, он возражает гипотетическому оппоненту, который смущен тем фактом, что автор не упоминает о разрушительной силе вулканов. Сига Сигэтака отвечает ему следующим образом: без вулканической деятельности и без гор земля была бы совершенно круглым, скучным и унылым шаром, пейзаж не вызывал бы восхищения, виды Японии были бы лишены присущей им красоты. Поскольку по мере подъема в гору можно наблюдать различные климатические зоны и присущее им разнообразие растительной жизни, то отсутствие гор привело бы к уменьшению многообразия, которое понимается как положительное свойство. Наличие гор увеличивает поверхность территории Японии, умножает ее разнообразие. Выслушав эту хвалу горам, смущенный оппонент спрашивает автора: разве жизнь японцев не наполнена страхом в ожидании неминуемых извержений? Разве постоянный страх не препятствует развитию страны? Разве европейские державы и Америка не смогли достичь впечатляющего развития – несмотря на то, что там отсутствуют вулканы? Но Сига Сигэтака трудно смутить. Он упрекает собеседника в слабом знании истории: ведь сам Рим, являющийся предшественником современной европейской цивилизации, построен на скале вулканического происхождения, а потому его можно назвать «вулканической страной». Следовательно, и Япония, являющаяся такой же вулканической страной, тоже должна выполнить свое «небесное предназначение» и стать «истокom для будущей восточной цивилизации». И тут собеседнику возразить было уже нечего – он удаляется. А Сига Сигэтака заключает: японцам были дарованы вулканы, «без их воспевания, без восхваления их красоты японцы перестали бы быть японцами» (Там же: 189–191).

Проблема «остаться японцами» волновала тогдашнее общество. Как сделать так, чтобы японцы продолжали оставаться японцами? На этот вопрос отвечает приложение к разделу о горах, озаглавленное «Следует развивать желание подниматься в горы».

В этом приложении содержится призыв к учителям, которым предлагалось поощрять среди учеников горный туризм, для чего те должны писать сочинения на темы, связанные с подъемом в горы (Сига Сигэтака 1995: 203–204). Сига Сигэтака пишет и о практической стороне горного туризма, отмечая необходимость тщательной подготовки к восхождению. Он подчеркивает, что европейская одежда удобнее для туризма, чем японская, дает инструкции по ношению европейской обуви и уходу за ней. Автор предлагает также советы по питанию и снаряжению, предостерегает об опасностях, описывает возможные горные маршруты.

Читатели воспринимали практические советы как результат личного опыта Сига, но на самом деле эти параграфы были изложением книги англичанина Гальтона «Искусство путешествовать» (Galton, F. *The Art of Travel*), четвертым изданием (1867 г.) которой пользовался Сига. При описании японских гор Сига также широко использовал изданный в Англии справочник «*A Handbook for Travellers in Central and Northern Japan*», составленный Э. Сатоу (Оомуро Микио 2003: 326–327).

В Европе того времени хайкинг расценивался как разновидность спорта, средство для повышения физических кондиций, забота о здоровье. Любование пейзажем было только одной из составляющих той пользы, которую способен принести туризм. Однако для самого Сига Сигэтака хайкинг был важен не столько в качестве физического упражнения, сколько как новая, дополнительная возможность для любования пейзажем. Таким образом, он манил читателей эстетикой гор. Подъем на гору – это подъем не столько тела, сколько духа. Дополнительная возможность создавалась потому, что раньше открывающийся вид с гор никогда не становился предметом для любования. Японские художники и поэты изображали горы, находясь у их подножия. Подъем в горы был уделом паломников, странствующих буддийских монахов (ямабуси), но их интересовали не столько открывающиеся с вершины красоты, сколько возможность совершить моления, достичь бессмертия

(долголетия), приобщиться к сакральному, а не к прекрасному. Представители официальной (самурайской и аристократической) культуры относились к таким паломникам с пренебрежением, считали их «темными», грубыми, полными предрассудков. Однако под влиянием европейских взглядов о прекрасном образованные японцы стали занимать в пространстве и другую, «вершинную» точку зрения. Сига Сигэтака писал: «Если подняться на самую вершину и взглянуть вниз, то увидишь, как у подножия клубятся облака, ты увидишь, как надвигается на тебя бескрайний простор равнинного мира, ты сможешь уместить этот мир на своей ладони, ты ощутишь себя не принадлежностью человеческого мира – ты ощутишь себя так, будто находишься в небесах, будто ты смотришь на землю с другой планеты – грудь ширится, воспаряет дух... В общем, горы – это самое замечательное явление природы, самое величественное и мощное, самое высоко-чистое, самое священное» (Сига Сигэтака 1995: 203).

Сига Сигэтака пропагандировал хайкинг, сам же он никогда не поднимался на высокие горы. Возможно, это отчасти связано с его тучностью. Кажется, самой высокой горой, которую он «покорил», была гора Цукуба (преф. Ибараки) высотой в 877 метров. В то же самое время публика воспринимала его как бывалого покорителя гор, потому что его описания гор обладали художественной убедительностью.

Реки

В этом разделе автор констатирует, что японские реки отличаются бурным течением, порожистостью, водопадами. Они коротки и малопригодны для транспортного сообщения. В то же самое время энергия падающей воды может быть успешно использована для устройства водяных колес и строительства электростанций. Сига Сигэтака приводит достаточно многочисленные описания рек, принадлежащие кисти японских литераторов, и утверждает, что наличие таких рек придает пейзажу «красоту, необычность и величественность» (Там же: 298). Разумеется, «ни китайцы, ни англичане не могут наблюдать в своих странах ничего подобного» (Там же: 268). Собственная концепция настолько овладевает автором, что, говоря

о «полноводных» японских реках, он совершенно «забывает» упомянуть о том, что в засушливый сезон многие из них превращаются в жалкие ручейки. Взгляд Сига обладал свойством избирательности, он видел только то, что хотели видеть его соотечественники.

Фудзи и эстетический империализм

Гора Фудзи занимает совершенно особое место в рассуждениях Сига Сигэтака. Она занимала в его мыслях настолько много места, что своего старшего сына он назвал в честь этой горы – Фудзио (Фудзи + мужчина). Сига Сигэтака видит в Фудзи непревзойденный образец и находит, что «Фудзи воистину является эталоном для знаменитых гор всего мира» (Сига Сигэтака 1995: 97). Что до многих других гор Японии, которые благодаря своему вулканическому происхождению обладают схожей с Фудзи формой, то Сига именует их «малыми Фудзи». Именно такое неофициальное наименование было широко распространено в тогдашней Японии.

В своей книге Сига перечисляет 20 «местных Фудзи» на территории от Хоккайдо до Кюсю, но на самом деле таких Фудзи насчитывалось намного больше. Поэтому Фудзи – это не только символ красоты и величественности. Она не только «клонировалась» на территории самой страны. Фудзи выступает также в качестве инструмента «символической экспансии» или «эстетического империализма». Сига Сигэтака пишет, что когда Шаньдунский полуостров станет частью Японской империи, то тогда священная для китайцев гора Тайшань, на которой древние китайские императоры молились богам Неба и Земли, будет переименована в «шаньдунскую Фудзи». Та же судьба ожидает и самую высокую гору Тайваня. И тогда японские литераторы и художники получат новый «природный материал», создадут новые шедевры и сумеют воспеть красоту этих «новых Фудзи» лучше, чем сумели сделать это их предшественники. Увеличится также и материал для автора «Японского ландшафта», который получит возможность для расширенного переиздания (Там же: 319–320).

Сига Сигэтака полностью игнорирует экономический аспект колониализма, он не говорит о том, что расширение территории Японии может быть «выгодно». Точно так же, как и многие его читатели, он испытывал от территориальных приобретений прежде

всего радость поэтично-эстетического свойства. Эти люди оперировали не миром вещным, а миром символическим. Недаром Сига Сигэтака говорит не о расширении территории страны, а о «расширении карты нашей империи».

Следует сказать, что план Сига был отчасти осуществлен. В результате победы в японо-китайской войне Тайвань стал частью японской империи, и самая высокая гора Тайваня Юйшань (3997 м) была переименована. Причем произошло это по императорскому указу, что подчеркивало значимость этого события. Таким образом, император Мэйдзи реализовал древнее государево право давать названия природным объектам и распорядился назвать тайваньскую гору Ниитака – «Новой Высокой Горой».

Фудзи являлась для Сига Сигэтака частью грандиозного плана по «экспорту» японской географии. Он отмечал, что европейские географические термины не подходят для описания азиатских реалий. Поскольку же земля Японии имеет намного больше сходства с Азией, то в силу своей развитости по сравнению с другими азиатскими странами следует экспортировать новые географические термины, в основе которых лежат японские реалии, которые должны выступать в качестве эталонных. Таковы, например, скальные породы реки Самбагава, горы Микабо и т. д. (Сига Сигэтака 1995: 325–326).

В самом конце книги Сига Сигэтака приводит цитату из статьи проповедника С. Барнетта, который говорит о счастливой судьбе японских бедняков, любящих природу настолько сильно, что любованием ею позволяет им забыть о своей бедности, а потому другого такого народа, как японцы, на свете не существует (Там же: 352–353). То есть человек европейской культуры – точно так же, как и процитированный в самом начале сочинения Кайбара Экиэн, говорит о том, что любованием природой обладает сверхценностью. Однако Барнетт идет дальше японского мыслителя. Во времена Кайбара Экиэн японской нации еще не существовало, теперь же никто не мог сказать, что ее нет. И природа Японии играла в формировании японской нации весьма существенную роль. Книга написана, круг замкнулся, выводы сделаны...

Мы убедились в том, что для творчества Сига Сигэтака характерно совмещение научного и поэтического подходов. И это при-

давало его сочинению особую убедительность и привлекательность для тогдашних японцев. В то время эти начала находились в относительно сбалансированном состоянии, поэзия поверялась практикой, страна успешно развивалась, выигрывала локальные войны и не ставила перед собой несбыточных целей.

Тем не менее некоторые рецензенты книги Сига продолжали, развивали и «усовершенствовали» его идеи до не вполне узнаваемого вида. Сига Сигэтака говорил о том, что превращение сосны в символ японского характера придаст людям сил, рецензенты же упорно превращали сосну в символ императорского дома: сосна «выражает религиозный дух японца, а этот религиозный дух поддерживает почтение к японскому императорскому дому, обеспечивает вечное бытие духа Ямато» (Сига Сигэтака 1995). Другой рецензент говорил о том, что несравненные, лучшие в мире японские пейзажи – это «всемирный сад», любованье ими не только поднимает национальный дух, но и превращает японцев «в народ, который не имеет себе равных в мире в части верноподданничества и воинской мужественности, формирует удивительное и блистательное искусство» (цит. по: Оомуро Микио 2003: 37, 39). Как мы видели, пейзажи в изображении Сига Сигэтака предстают в обезлюдевшем виде, однако на самом деле японский пленэр был густо заселен людьми, которые толковали сочинение поэта-географа так, как им казалось удобным и нужным.

В это время уже находились люди, в сознании которых происходила абсолютизация поэтического фактора, абсолютизация эмоционального начала, его отлет от вещного мира. В одной восторженной рецензии на «Японский ландшафт» ее автор писал, что Сига Сигэтака удалось продемонстрировать «дух» Японии и японского народа, тот дух, который «нельзя ни увидеть, ни услышать», но который присущ японцам от рождения и передается по наследству (цит. по: Там же: 32–33). Впоследствии такая точка зрения на соотношение души и тела, вещного и духовного станет преобладающей и приведет народ Японии к катастрофическим последствиям (Мещеряков 2009; 2011).

Идеи Сига Сигэтака обладали для читателей книги и для него самого огромной убедительностью. Любые реалии, которые пре-

подносила жизнь, истолковывались как дополнительное доказательство теоремы об уникальности природы Японии и тех людей, которым выпало счастье жить в этой стране. Особой «духоподъемностью» обладала в этом отношении японско-русская война, в которой впервые в истории азиатская страна нанесла поражение европейской державе. От этой победы кружилась голова. Точно так же, как и от участия Японии в Первой мировой войне, приведшего к новым территориальным приобретениям. Япония успешно вписалась в мировой империалистический порядок, национальный дух парил, страх утери идентичности больше не мучил Сига. В своей новой работе «Иллюстрированное продолжение мировых ландшафтов» («Дзоку сэкай сансуй дзусэцу», 1916 г.) он уже «забыл», как в «Японском ландшафте» обличал тех авторов, которые выискивали в Японии «кусочки» Европы. Один из параграфов книги назывался «Японский Рейн и японская Швейцария», где в качестве «японского Рейна» фигурировала речушка Кисо протяженностью в 227 километров. Напомним, что длина Рейна составляет 1320 километров.

Мысль Сига Сигэтака работала быстро. Его соотечественники не отставали от него. Сига именовал Японию «островной страной» и находил, что эту страну ждет блестящее будущее. И действительно, после присоединения Кореи (1910 г.) многие публицисты поспешили объявить Японию теперь уже «материковым государством» (тайрику кокка). Когда же в 1920–1930-х гг. активизировалась дискуссия о перенаселенности Японии, понятие «островная страна» приобрело сугубо отрицательные коннотации, закрепленные и в современных словарях (так, толковый словарь «Кодзиэн» утверждает, что термин «островной характер» – симагуни кондзэ – подразумевает, что жители островной страны отличаются «скрытностью» и «узостью» взглядов). Такому переосмыслению в немалой степени способствовал отказ Великобритании продлить союзный договор (1921 г.), что вызвало в Японии шквал обвинений в «предательстве». Изначальная концепция «Поднебесной» не предполагает территориальной экспансии, но к этому времени она была уже в достаточной степени переосмыслена и даже превращена в свою противоположность. Япония объявила себя азиатским лидером, провозглашая идею паназиатизма под эгидой Японии, в 30-х гг.

XX в. она ввергла себя в серию войн, выиграть которые не имела ни малейшего шанса. Поэтический модус описания взял верх над трезвым расчетом, и реалии жизни не простили такой дискриминации.

Литература

Мещеряков, А. Н.

2006. *Император Мэйдзи и его Япония*. М.: Наталис.

2009. *Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма*. М.: Наталис.

2010а. Взгляд и нечто. Близорукость и дальnozоркость японской культуры. В: Мещеряков, А. Н., *Япония в объятиях пространства и времени*. М.: Наталис.

2010б. *Гора Фудзи: между землей и небом*. М.: Наталис.

2010в. Раннеяпонские карты как феномен культуры. В: Мещеряков, А. Н., *Япония в объятиях пространства и времени*. М.: Наталис.

2011. *Стать японцем: топография тела и его приключения*. М.: Эксмо.

Оомуро Микио. 2003. *Сига Сигэтака «Нихон фукэй рон» сэйдоку*. Токио: Иванами бумпо.

Сига Сигэтака. 1995. *Нихон фукэй рон*. Токио: Иванами бумпо.

Торопыгина, М. В. 2004. «Большие» и «маленькие» герои в средневековой японской литературе. В: Торопыгина, М. В., *Россия и Япония: диалог культур и народов*. М.: Наталис.

O-Young Lee. 1984. *The Compact Culture. The Japanese Tradition of 'smaller is better'*. Tokyo; New York; London: Kodansha International.